

Историческая память, наследие и образование*

Что может рассматриваться в качестве исторического наследия? Любые архивные данные? Любые предметы и артефакты прошлого? Эти вопросы имеют особое значение применительно к современному российскому обществу, с его поисками самоопределения, позиционирования в современном мире, а главное – собственного внутреннего самоопределения, формирование которого невозможно без осмысления исторического прошлого. Проблема осложняется еще и тем, что речь идет не просто об исторических фактах, «белых» или «черных» пятнах в отечественной истории, а выборе тех фактов, которые представляются важнейшими, существенными для понимания настоящего, а главное – перспектив развития общества, фактически – того символического наследия, без которого невозможно построение будущего, которое важно для выявления и понимания перспектив этого будущего.

На прошедшей в конце апреля в Санкт-Петербурге Международной научной конференции «О пользе и вреде культурного наследия для жизни» в результате довольно бурной дискуссии большинство участников пришло к выводу, что в качестве культурного наследия может рассматриваться не весь тот багаж прошлого, который осел в архивах, музейных фондах, стал предметом исследований, а только то, что включается в оборот социальной жизни, продолжает традиции. Другими словами, то что составляет актуальную историческую память социума, т.е. общепринятые представления о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются, обсуждаются в публичном пространстве, формируя социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей.

В этом плане, историческая память выступает социально-политическим институтом, реализуемым в различных формах и различными социально-культурными технологиями: от образования, исторической науки и искусства – до массовых праздников и средств массовой информации. И активное обсуждение тематики «политического использования истории», «исторической политики», «политики прошлого», «политики памяти», «коллективной общественной памяти», «исторической памяти», «режимов памяти», «культуры памяти» и т.д. стало предметом интересов широкого круга историков, социологов, философов, политологов, психологов, культурологов и других специалистов. [Малинова, 2015; Миллер, Липман, 2012; Васильев, 2012]

Роль общей исторической памяти социума сродни роли памяти в формировании и самом факте существования индивидуального сознания. Объем и качество памяти достаточно точные критерии интеллектуального и нравственного развития личности, ее уровня образования и профессиональной подготовки. Сам факт самосознания, свидетельство вменяемости личности выражается в способности вспомнить далекое и недавнее прошлое, имена и даты, собственную биографию, своих близких, отношения с ними, рассказать об этом... Недаром подавляющее большинство практик самопознания (исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания, «истории по жизни» и т.п.), так или иначе, но связаны с практиками воспроизводства памяти, рефлексии над ее содержанием, в виде рассказов, дискурсивного развертывания. Аналогично и с исторической памятью социума. «Чтобы сформировать ...чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль» [Bell, 2003, p.65].

* Работа выполнена в рамках проекта «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм», грант Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018.

Нарратив (от лат. *narrare* – рассказывать) – языковая, дискурсивная практика повествования, разворачивания событий в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетику развития и развязку, финал. Причем ключевую роль играет именно финал, завершающий повествование и осмысление всего его сюжета. Рассказчик, собственно, тем и отличается как от героев своего рассказа, так и от слушателей, что он знает, чем завершилась рассказываемая история. Именно наличие определенного «завершения», конца, изначально известного нарратору, создает своего рода силовое поле, приводящее все сюжетные линии к одному смысловому фокусу. Знание финала выступает аналогом аттрактора, поэтому понимание истории делает ее телеологической дисциплиной, вполне в гегелевском смысле, открывая двери ее перманентному переформатированию – в соответствии с очередным «сдвигом финала», т.е. очередным этапом развития общества.

Нарративы играют важнейшую роль в формировании обыденного сознания и традиционного знания. Сказки, легенды, хроники, былины, житийные истории, эпос, биографии известных людей – все они формируют и транслируют представления о происхождении данного социума (рода, племени, нации), важнейших событиях, славят героев, внушают гордость за своих предков, задают образцы нравственного поведения, отличия от соседей и чужеземцев, позволяя позиционировать данный социум, его представителей в пространстве и времени. В этом плане нарративы символизируют действительность, наполняя ее смыслом, задают шаблоны и образцы интерпретации прошлого и настоящего, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования идентичности социума и его членов. [Sommers, 1994]

Со временем к традиционным нарративным средствам социализации добавились система средства массовой информации, искусства, система образования, гуманитарные науки. Особую роль при этом играет история, которая нередко и конституируется (Т.М.Гуд, А.Данто, Д.Каллер, А.Карр, Ф.Кермоуд, А.Тойнби, П.Рикер, М.Уайт и др.) в качестве нарратологии по преимуществу. В рамках нарративного понимания истории, события, сам исторический процесс трактуется не как некий объективный процесс развития, а как всегда возникающие в контексте конкретного рассказа и заложенной в нем интерпретации. Такой рассказ в исторических сочинениях использует широкий спектр концептуализаций: от специфически выстроенной хроники, определенного типа построения сюжета до идеологического подтекста или даже социального заказа. Как теоретическая дисциплина история выступает не описанием реальности, а скорее инструкцией по ее формированию, построению, а историк предстает коммуникатором, медиумом, который отбирает из исторических источников отдельные фрагменты, складывая их в определенную историческую картину, которая транслируется далее в научных статьях, учебниках, популяризациях, СМИ.

По словам Ж. Эллюля: «Сегодня факт — это то, что переведено в слова или представления; очень немногие люди могут непосредственно испытывать на себе то, что оказалось переработанным и приняло характер общезначимости, поэтому фактом является то, что передано широкому кругу людей средствами коммуникации, и то, чему был придан определенный оттенок, не обязательно воспринимавшийся очевидцами события. Все эти черты соединены вместе и конституируют те абстрактные факты, на которых строится общественное мнение» [Ellul, 1973]. Иначе говоря, фактом становится не то, что произошло, а то, о чем рассказали, и как рассказали.

А.Эткинд [Etkind, 2013] различает две основные формы символической презентации прошлого: «мягкие» (software) и «твердые» (hardware). К первым относятся фольклор, искусства, образование, гуманитарные науки, медиа, практики нарративной интерпретации прошлого. Ко вторым – музеефикация, монументы, мемориалы, места исторических событий, выступающие ориентирами, маркерами привязки нарративов к пространству реального опыта.

Однако представляется важным дополнить эту типологию третьим компонентом воспроизводства прошлого. Речь идет о хронотопах, событиях (special events): ритуалах, празднованиях, церемониях, реконструкциях, перформансах, хеппенингах, т.е. – практиках презентации прошлого и сопричастности ему.

Реализация всех этих форм и практик предполагает их инициаторов – акторов политики исторической памяти. Такая политика может осуществляться сверху и снизу. В первом случае ее акторами выступают органы власти, политики, система образования, культурные индустрии, традиционные и новые медиа. Во втором – общественные организации, инициативы граждан, медиа, различные группы поддержки или протесты.

Исследования показывают наличие трех уровней реализации исторической памяти, каждому из которых свойствен свой временной ресурс динамики. [Тульчинский, 2016] Во-первых, это оперативный режим, реализуемый медийными технологиями, индустриями культуры и искусства. В этом режиме содержание исторической памяти наиболее подвижно (с лагом до 3 лет) – в зависимости от текущей внешней и внутренней ситуации, политического курса и т.п. Во-вторых, это образование – режим более инерционный (лаг 15-20 лет), обеспечивающий воспроизводство более устойчивого содержания исторической памяти. И, в-третьих, это собственно культурная память, режим наиболее устойчивый, поскольку задает культурную идентичность. Поэтому его лаг составляет 30-50 лет, не менее 2-3 поколения.

Переоценка коллективного прошлого в зависимости от изменения контекста – задача, конечно же необходимая. Меняется ситуация, расклад политических сил, какие-то интересы сменяют другие. Как и жизнь личности, жизнь социума переосмысливается с каждым пережитым этапом. прежде всего, историков. Практически весь политический класс – от высшего государственного руководства до местных депутатов и чиновников, ведущих журналистов и экспертов – не только апеллируют к прошлому, участвуют в его интерпретации, но и имеют возможность прямого регулирования воспроизводства исторической памяти. Изменения государственной символики, официальных ритуалов, содержания учебников и учебных программ, календаря памятных дат, отмена и учреждение общенациональных праздников – все это далеко не полный перечень политического использования истории, а то и его целенаправленной составляющей в качестве «исторической политики». [Миллер, Липман, 2012] Прошлое становится не только одним из риторических ресурсов легитимации власти, пропаганды, но частью самой политики. В ряде исследований О.Ю.Малиновой детально показано, как строится дискурсивная практика переосмысления исторической памяти в нормативных документах и выступлениях политических руководителей РФ за последнюю четверть века. [Малинова, 2015]

Переосмысливается и личный, семейный опыт. Неизбежно переписываются учебники, пересматриваются образовательные программы. Поэтому принципиальную роль играет согласование содержания исторической памяти на каждом уровне. Их рассогласование порождает социумы с «разорванной» исторической и культурной памятью. До недавнего времени примерами таких обществ были Мексика, Алжир, Турция, Россия – общества в которых элитами транслировались представления о целях и путях развития, резко отличающиеся от культурной памяти социума, а то и отрицающие само содержание этой памяти. Не случайно в таких обществах предлагаемые элитой реформы и программы развития сталкиваются с серьезными проблемами и сопротивлением, предполагая дополнительные сверхусилия по консолидации общества, что сопровождается социальными конфликтами и даже насилием. Только общая историческая память обеспечивает доверие широкого радиуса, выступая основой консолидации общества. Почти как в известной мудрости: гармония в душе – гармония в семье, гармония в семье – гармония в делах, гармония в делах – гармония в стране, и наоборот: гармония в стране – гармония в делах, гармония в делах – гармония в семье, гармония в семье – гармония в душе.

В этой связи весьма показательна динамика современной российской символической политики исторической памяти, когда примерно с 2012 существенно изменилась оперативная символическая политика «сверху». Политическая элита заговорила на языке культурной памяти включая советский опыт (что оказалось довольно неожиданно для академической (научно-образовательной среды), и, одновременно, поддержала идею гражданской идентичности, что оказалось не менее неожиданно для обыденного этнического понимания наций и сторонников этнофедерализма. Такая динамика тем более порождает необходимость соотнесения символических презентаций прошлого на каждом уровне, других направлений работы с содержанием исторической памяти, ее систематизации.

Такие попытки могут быть связаны с различением жанров исторической памяти [Цымбурский, 2011], что позволяет наметить логику такого осмысления и такой систематизации.

Прежде всего, это триумф – торжество социума: слава героев-победителей, несостоятельность врагов, вызовов. Но не менее важны и скорбь, траур – травмы социума. Как показывает опыт некоторых наций, страдания соединяют в большей степени, чем радости. [Тулчинский, 2015] Именно с ними связаны память о героических (активных) жертвах «во имя» (sacrifice) и о трагических (пассивных) жертвах, мучениках «от» (victim). Показательно, что одним из уроков прошлого столетия стали практики стыда, покаяния. Ряд глав современных государств принесли публичные покаяния за трагедии Холокоста (шоа).

К практикам стыда и покаяния примыкают практики забвения, которые очень важны для формирования национального самосознания, вообще культурной идентичности. Как писал Ф.Ницше, без забвения нет ни жизни, ни счастья, ни будущего, ни спокойной совести. [Ницше, 1990, с.441-442] А Э.Ренан в своем знаменитом сорбоннском докладе 1882 года «Что такое нация?» подчеркивал, что нация – это общность людей, у которых много общего и которые вместе многое забыли. [Ренан, 1902, с.91-92] Действительно, как и в истории каждой семьи есть свои «скелеты в шкафу», так и в истории народов есть обстоятельства, о которых не хотелось бы вспоминать. Но забвение не может сводиться к простому замалчиванию неприятных фактов истории. Остаются исторические факты, документальные архивы, свидетельства и память очевидцев, хранителями которых являются или сами очевидцы, или их потомки. Наконец, эти факты и обстоятельства могут храниться в исторической памяти других народов, входить как исторические травмы в их память и идентичность.

Именно следствием замалчиваний, педалированием собственного героизма и являются конфликты и войны исторической памяти. Не будучи включенными в историческую память, не осмысленные ею, эти темы образуют незалеченные травмы общественного сознания, его «невротичность», обусловленную невозможностью дистанцироваться от прошлого, зафиксировать его, уверенно жить дальше. Такое прошлое постоянно присутствует, вызывая навязчивые повторы. Это проявляется не только на уровне искусства и СМИ, в радикальных пересмотрах учебников и учебных программ, но и в переименованиях городов и улиц, разрушении памятников, охранных зон, даже на уровне вынужденно замалчиваемых тем семейной памяти. В не столь давнем советском прошлом дело доходило до уничтожения и фальсификации документов – например, дат и причин смерти репрессированных.

Рядом исследователей отмечается «этический поворот», произошедший после II Мировой войны, и связанный с трагедией Холокоста. [Ассман, 2014, с.123-124, 304] Произошла глобализация памяти народов и человечества. Формируется общечеловеческая культура скорби и ответственности. Основной тренд конструктивной эволюции национальной памяти связан не только и не столько с триумфальной или оскорбленной честью. Он включает и совместную память исторических травм: скорбь и признание общей ответственности, а также меморизацию трагедии.

Переживания исторической травмы [Welzer, 2005] включают в себя этапы: выявление Жертвы; молчание (шок, дистанцирование, заморозка трагедией); осмысление; преодоление; меморизация. Осознание Жертвы и дистанцирование – естественны и объективны. А осмысление, преодоление и меморизация предполагают достаточно напряженную работу и усилия. Такие практики конструктивного забвения достаточно хорошо известны. Можно только предложить их некоторую систематизацию. Во-первых, это изживание прошлого на уровне научного осмысления: исторические и социологические исследования, их последующее архивирование, а также включение их результата в образовательные программы высокого уровня. В начальных классах и в средней школе знакомить детей с деталями трагедий не обязательно – достаточно общего представления. И, во-вторых, это символические презентации этой памяти, связанные с глубокой рефлексией (скорби, печали). Без такой рефлексии исторические травмы предстают как нечто, достойное сожаления, но не более того. А неизжитые травмы постоянно возвращаются, порождая конфликты.

XX век – один из наиболее трагических, если не самый трагический, в отечественной истории. Фактически за период жизни одного поколения российское общество несколько Великих Травм, отношение к которым до сих пор раскалывает наше общество.

Великая Отечественная война – неспроста стала главным праздником. Эта великая травма глубоко и широко осмыслена обществом и его элитами. Но остались травмы исторической и культурной памяти.

Это I Мировая война. Неспроста попытка 100-летия этой трагедии, фактически, потерпела неудачу. Общество оказалось не готовым к осмыслению и включению этой трагедии в свою историческую память. Требуется дополнительная работа по осмыслению этой ключевой для понимания всего столетия трагедии, ее героев, жертв-во-имя и меморизации.

То же самое можно сказать и о Гражданской войне – требуется признание общей ответственности и меморизация трагедии

Не менее важно и осмысление трагедии Репрессий. Их трагичность признана, но требуется осмысление «жертвы во-имя», «жертвы-от», констатация источника трагедии, признание общей ответственности и меморизация. В этой связи, последние решения об увековечении памяти жертв сталинских репрессий в Москве является важным шагом в конструктивном направлении.

Наконец, Распад СССР – травма, коренным образом изменившая судьбу страны и ее граждан, требует осмысления жертвы «во-имя» и «от», признание общей ответственности и меморизации.

Широкое внимание привлекло расследование Денисом Карагодиным обстоятельств расстрела в 1938 г. его прадеда Степана Карагодина. Правнуком была документально прослежена вся цепочка решений и исполнения: от решений, подписанных руководством страны до лиц, подписавших приговор и приведших его в исполнение. И одним из результатов публикации материалов этого расследования в сети стало письмо внучки Николая Зырянова (палача С. Карагодина, только 21.01.1938 г. расстрелявшего 36 человек): *«... Умом понимаю, что я не виновата в происшедшем, но чувства, которые я испытываю, не передать словами... Отца моей бабушки (маминой мамы), моего прадеда, забрали из дому, по доносу, в те же годы, что и Вашего прадедушку, и домой он больше не вернулся, а дома остались 4 дочери, моя бабушка была младшей... Вот так сейчас и выяснилось, что в одной семье и жертвы, и палачи... Очень горько это осознавать, очень больно. Но я никогда не стану отрекаться от истории своей семьи, какой бы она ни была.»* [Фомина, Рачева, 2016]

Особенно важной представляется роль образования, реализующего промежуточный, медианный уровень формирования исторической памяти, связь оперативной исторической памяти и инерционной культурной идентичностью.

На прошедшем 30 марта в Санкт-Петербурге IV Конгрессе учителей общественных дисциплин» активно работала секция «Историческая политика и историческая память: как уроки по истории трансформировать в уроки истории». Материалы секции продемонстрировали, что коллективами школ, отдельными учителями накоплен богатый опыт работы в этом направлении, затрагивающий урочное и внеурочное время. Широко используется игровой формат, театрализация, возможности, которые дают современные информационно-коммуникативные технологии: базы данных, возможности контактов. Школьники с большим интересом участвуют изучении конкретных фактов, событий, связанных с их городом, селом, местными жителями, их семьями. По итогам таких исследований, специальных поездок, экскурсий проводятся конференции, выставки, нередко организуются публикации. Эти материалы выкладываются на сайтах школ, в социальных сетях. И для школьников очень важно, чтобы такая практика заканчивалась реальным результатом: выставкой, публикацией.

Учителя ищут не только новые формы, но и стараются уйти от избитых тем, вовлекая семейный опыт, семейные архивы, личный опыт близких и знакомых людей. Тем самым достигается большая вовлеченность и сопричастность детей историческому опыту, сопереживание ему, понимание прошлого своего села, города, страны, а главное – своей семьи, своей собственной предыстории, всего того, что так важно для самосознания и самоопределения.

Этот опыт, также, как и упомянутая история потомков С.Карагодина и его палача дают наглядный урок конструктивной практики забвения. Бои за прошлое, его реконструкция, разумеется, важны. Но это только первый шаг к консолидации социума. Как самоцель, они – способ не заниматься будущим. Главное – дать покой мертвым, успокоить память живых и вместе строить жизнь дальше, достигая упомянутой выше гармонии в душах, семьях и делах.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. – 328 с.

Васильев А. Memory studies: единство парадигмально-многообразных объектов. (Обзор англоязычных книг по истории памяти.) // Новое литературное обозрение. 2012, № 117'5, с.461-480.

Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI веке. М.: НЛЮ, 2012;

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015, с.16-22.

Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-и т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87-102.

Тульчинский Г.Л. Нарратив в символической политике: Уровни и диахрония. // Символическая политика: Вып. 4: Социальное конструирование пространства. М., 2016, с. 65-83.

Тульчинский Г.Л. Роль геноцида в национальном самосознании. // Геноцид в исторической памяти народов и информационных войнах современности. М.: Ключ-С, 2015, с.154-167.

Фомина Е., Рачева Е. От шофера «черного воронка» до Сталина. // Новая газета. 23 ноября 2016. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/11/23/70635-ot-shofer-a-chnogo-voronka-do-stalina> (дата обращения 17.12.2016)

Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011.

Bell Duncan S.A. Mythscapes: memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol.54, No.1, pp.63-81.

Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. NY: Vintage Books, 1973.

Etkind A. Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied. Stanford: Stanford Univ.Press, 2013.

Sommers M.R. The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach. // Theory and Society. 1994. Vol.23, No.5, pp.606-649.

Welzer H. Lehte – Kunst und Kritik des Vergessens. München: Beck, 2005.

Историческая память, наследие и образование

Историческое наследие есть часть опыта прошлого, которая включается в оборот социальной жизни, продолжает традиции. В этом плане историческое наследие составляет актуальную историческую память социума. Историческая память актуализируется на трех уровнях. Оперативный уровень связан с текущей конъюнктурой, и реализуется в медиа, искусстве. Более инерционный связан с практиками образования. Наиболее устойчивый уровень задается семейным воспитанием и связан с культурной идентичностью. Важной задачей является обеспечение соответствия между этими уровнями. При этом ключевую роль играют практики преподавания истории, которые формируют у школьников сопричастность и сопереживание.

Ключевые слова: историческая память, историческое наследие, образование, идентичность, сопричастность

Tulchinskii Grigorii

Historical memory, heritage and education

Historical heritage is part of the experience of the past, which is included in the circulation of social life, continues the tradition. In this respect, the historical heritage makes up the actual historical memory of the society. Historical memory is realized on three levels. The operational level is connected with the current conjuncture, and is realized in media, arts. More inertial is associated with the practice of education. The most stable level is set by family upbringing and is related to cultural identity. An important task is to ensure the correspondence between these levels. At the same time, the key role is played by the practices of teaching history, which form the participation and empathy.

Key words: education, empathy, historical heritage, historical memory, identity

Сведения об авторе:

Тульчинский Григорий Львович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, департамент прикладной политологии

gtul@mail.ru

191124, Санкт-Петербург, Тверская ул., 16-82.